

Большинство работ болгарских историков относится к истории их страны. Это обстоятельство свидетельствует о большой любви болгарских исследователей к своей родине и ее истории, тем более, что болгарские земли целиком входили в круг земель античного мира и сохранили богатейшие памятники материальной и духовной культуры того времени. Хотелось бы, однако, на страницах болгарской печати видеть также и статьи, посвященные общим проблемам античной истории, без глубокого изучения которых немыслимо правильное понимание хода исторического развития вообще и античного периода в истории Болгарии в частности.

Т. Д. Златковская

G. W. BOTSFORD and Ch. A. ROBINSON Jr., Hellenic history, New-York, 1948, 509 стр. + 105 табл.

Рецензируемая «Греческая история» Ботефорда и Робинсона по замыслу издателей и авторов должна была стать незаурядным событием в американской литературе по древней истории и представляет собой, повидимому, максимум того, на что способны античники США. Книга выходит третьим изданием, что само по себе уже является совершенно исключительным событием в Америке. Издатели приложили все усилия, чтобы создать у читателя впечатление большой ценности, добротности и высокого научного уровня «Греческой истории». Приложение из сотни таблиц на меловой бумаге, многочисленные иллюстрации в тексте, карты и планы, глоссарий, библиография, указатели, наконец, все внешнее оформление должны возбудить доверие к содержанию книги и, следовательно, к концепции авторов. Ко всему этому следует еще прибавить, что фирма Мак-Миллана, которая выпустила книгу в свет, является самым крупным научным издательством в США и в Англии.

Авторы рецензируемой работы далеко не дебютанты и не случайные фигуры в ученом мире США. Умерший в начале 20-х гг. Ботсфорд был типичным представителем старшего, отживающего свой век, поколения американских историков античности конца XIX — начала XX вв. Он читал курс древней истории в Колумбийском университете, интересовался веком Перикла, специализировался по вопросам афинской конституции и по источниковедению. Изданная им в 1920 г. в сотрудничестве с Шайлером «Греческая цивилизация» до сих пор еще считается образцовым пособием для студентов американских вузов. Ботсфорд представляет собой тип недалекого, ограниченного, поверхностного, но все же добросовестного буржуазного профессора, не столько ученого, сколько популяризатора.

Совсем другие веяния чувствуются в биографии типичного представителя современных американских «ученых» — соавтора рецензируемой книги. Ш. А. Робинсон (младший) преподает классическую археологию и древнюю историю в Брауновском университете штата Род-Айленд. Он участвовал в американских раскопках на афинской агоре, долгое время занимался историей походов Александра Македонского. В годы второй мировой войны он переключился на более актуальную для американского империализма тему о «федеративных объединениях» в Элладе, а затем, учтя конъюнктуру, решил «освежить» свою старую тематику и преподнести ее американскому читателю под новым соусом. Его вышедшая в 1947 г. книга «Александр Великий: встреча Востока с Западом в мировом правительстве и братстве»¹ прекрасно свидетельствует о деловых способностях ее автора, но показывает не столько его знания, сколько поразительную деградацию истории античности в США, которая нацелена ее на научное исследование древней истории, а на идеологическое обоснование бредовых мечтаний американского империализма о мировом господстве.²

Тем не менее, — а может быть, вернее именно поэтому, — книга Робинсона встретила блестящие отзывы американских рецензентов. Один из них, Бекки Кент, заявляет:

¹ Ch. A. Robinson, Jr., *Alexander the Great: the Meeting of East and West in World Government and Brotherhood*, N. Y., 1947, 252 стр.

«Талантливая и ученая биография одной из наиболее очаровательных личностей в истории уже широко обсуждалась и встретила общее одобрение не только в научных журналах, но и в популярной печати... Некоторые рецензенты называют эту книгу даже «не рассчитанной на сенсацию». Это, по видимому, значит, что автор не снизил уровня книги приправами из ярких отрывков — условия *sine qua non* для удачной продажи (*best seller*), — но дал фактам говорить за себя»¹. После этого сомнительного комплимента по адресу американских книжных «боевиков» рецензент продолжает восхвалять Робинсона прежде всего за то, что он отказался от непривлекательных сносок, и, во-вторых, за то, что он сумел «уложить на неполных 40 страницах сокращение греческой истории от Персидских войн до смерти Филиппа, а заодно и описание детских лет Александра и причин его завоеваний». Таким образом, в рецензии, рассчитанной на относительно массового читателя, восхваляются именно отрицательные черты книги.

Книга, рецензируемая нами, до сих пор еще как будто бы не обсуждалась в иностранной печати; однако можно быть уверенным, что и ее встретят не менее горяче и веские (в долларах!) отклики. Гарантией этому является «актуально-политическое» изложение Робинсона. Прежде чем приступить к непосредственному разбору концепции авторов, необходимо указать, что «Греческая история» в некоторой степени представляет собой коллективное мнение американских и английских историков античности. Как видно из предисловия, текст книги обсуждался многими весьма крупными специалистами, как Тарн, Меррит, Рихтер, Динсмур, Бледжен, Фергюсон и др. Робинсон учел большинство замечаний и внес соответствующие исправления в гранки. Итак, взгляд Робинсона и Ботсфорда на процесс исторического развития древней Эллады характерен не только для авторов книги, но и для всей англо-американской буржуазной историографии в целом.

Не считая обширных приложений и справочных материалов (стр. 457—509), вся книга состоит из 26 глав, охватывающих всю историю древней Греции до завоевания ее Римом включительно. В главах II—VIII (стр. 9—111) излагается история Эллады до Греко-персидских войн. События V в. описаны в следующих шести главах (стр. 112—265); всего лишь три главы (32 страницы) посвящены бурному, заполненному острыми социальными конфликтами периоду до смерти Филиппа Македонского. Относительно подробно, на 59 страницах, описаны походы Александра. Весьма поверхностно рассмотрена история эллинистических государств; притом только в одной маленькой главе на семи страницах анализируются социально-экономические отношения в период эллинизма.

Некоторое представление об уровне американских специалистов по древней истории дает уже первая глава — «Введение», где ставятся общие вопросы: о сущности греческого полиса, о роли эллинской цивилизации и о значении культурного наследия греков. Все важнейшие проблемы истории Греции: образование полисов, расцвет греческой культуры, постоянные внутренние междоусобицы и, в конце концов, падение Эллады — авторы объясняют столь же банально, как и неверно — только воздействием географических факторов. Незначительными размерами полисов объясняется бурное развитие общественно-политической жизни. Расцвет науки авторы обуславливают врожденными чертами характера эллинов: умеренностью, воздержанием и стремлением к самопознанию (стр. 2). Древнегреческая колонизация и торговля, по их мнению, были вызваны нехваткой продовольствия и минералов (стр. 4), следовательно, теми же географическими условиями.

Вот, собственно говоря, вся философия истории в представлении американских буржуазных ученых. Природные условия и национальный характер — единственные доступные их пониманию факторы исторического развития. Авторы книги даже не ставят вопроса о роли рабства в истории Эллады, не задумываются над тем, почему именно здесь так бурно и быстро шло политическое развитие, почему именно древняя Греция отличалась крупнейшими достижениями во всех отраслях культуры и искус-

¹ «Classical Journal», XLIII (1948), № 8, стр. 408 сл.

ства. Географические условия, как известно, изменяются очень медленно, характер народа тоже относительно стабильная величина. Однако только в классический период своей истории Эллада стала подлинным центром всего Средиземноморья. Основная причина расцвета Греции крылась, несомненно, в развитии производительных сил, в переходе от домашнего к античному рабству. Факт этот столь неопровержим, что признавался даже многими буржуазными учеными, хотя бы тем же Тарном. Однако признание роли рабства заставило бы наших авторов заняться вплотную вопросом о положении рабов, о классовой борьбе и еще, чего доброго, подвергнуться подозрению в неамериканском образе мышления.

После такого вступления нет ничего удивительного в том, что авторы всерьез заявляют: «Мы (т. е. американцы. — Я. Л.) имеем много общего с древними греками... Как и греки, мы строим в Америке цивилизацию, основанную на опыте и знании, к счастью, свободную от религиозного и политического угнетения» (стр. 2). Надо быть истинным «дипломированным лакеем» империализма, чтобы заявлять, что страна судов Линча и комиссий по расследованию антиамериканской деятельности, страна процессов над лидерами компартии «свободна от религиозного и политического угнетения».

Авторы присоединяются к модным в США выпадам против демократии. Они пишут: «Греки были первым народом в Европе, который развил идеалы свободной демократии, и, хотя временами они катились к сознательному самоубийству, все же они дают нам ценные указания в области управления» (там же). Так как лейтмотивом всей книги является лозунг: «будем учиться на ошибках греков, чтобы избежать их в нашей жизни», и, как мы увидим в дальнейшем, падение афинской демократии объясняется прежде всего чересчур большими расходами на поддержку неимущих граждан, то основным выводом из греческой истории для среднего американского студента будет необходимость борьбы против социального обеспечения трудящихся США во имя спасения «прелестей» американского образа жизни.

В следующих главах авторы дают более или менее систематическое изложение истории древней Греции. В основном они ограничиваются пересказом событий, стремясь вкратце сообщить максимальное количество фактов, и только в конце каждой главы дают краткую интерпретацию и оценку событий. Именно эта часть лучше всего характеризует уровень американской науки.

Глава II — «Бронзовый век» — посвящена крито-микенской эпохе. Описывая находки в Кноссе, авторы считают, что, «судя по надежным данным, жизнь населения была исключительно радостной и беззаботной» (стр. 20). Единственным, что омрачало счастливый быт жителей Кносса, была их «жестокая религия». На стр. 33 авторы, забыв о том, что писали раньше, резко осуждают крито-микенское общество, так как оно являлось образцом «деспотического социализма». Впрочем, это сногшибательное открытие американского профессора заслуживает цитирования полностью: «Общество было четко дифференцировано на бедных и богатых, простолюдинов и знатных, подданных и правителей... Земледельцы были крепостными или подобными крепостным (serflike), как илоты более позднего времени... Это был уникальный эксперимент в области деспотического социализма. Но система, изобретенная царем и его фаворитами, лишала граждан их индивидуальности и личной свободы». Из этой цитаты становится вполне ясным, что автор не только не знаком с социализмом, но и не имеет понятия о сущности крито-микенского общества. Болтовня о социализме в древности, повидимому, нужна авторам лишь для того, чтобы бросить очередной упрек СССР и странам народной демократии.

Период с 1200 по 750 гг. до н. э. (глава III) авторы, повторяя за Эд. Мейером, называют «греческим средневековьем» и, исходя из этого абстрактного положения, характеризуют гомеровское общество как феодальное. Они пишут: «Монархия появляется в своих простейших элементах, хотя и с некоторыми аномальными претензиями. Царь был близким потомком, обычно правнуком Зевса... Народ молился ему и почитал его как бога» (стр. 36). Все же, спохватившись, что подлинная картина гомеровского общества в «Илиаде» и «Одиссее» слишком уже не похожа на выдуманное ими греческое средневековье и что в эпосе никак не найти даже намеков на обожествление

народом царей, авторы продолжают: «В собраниях простого люда лежит зародыш демократии, который вырос и созрел в греческих государствах, как Афины» (стр. 38). Не понимая того, что гомеровское общество представляло собой военную демократию — переходную ступень от первобытно-общинного строя к рабовладельческому государству, американские лжеученые путают гомеровское общество с феодальным и равенством всех членов родового общества с развитой античной демократией. Добавим к этому, что частная собственность на землю в книге представляется извечной, и авторы с удивлением вынуждены отметить, что пастбища и, «пероятно, леса» принадлежали общине (стр. 39).

Вся ранняя история Эллады трактуется исключительно эклектически. Авторы на ходу здесь вперемишку социализм и феодализм, обожествление монарха и демократию, частную и общественную собственность на землю, расцвет личности и ее угнетение. Вся эта эклектическая похлебка густо заправлена антисоветской клеветой. Если раньше, в XIX и самом начале XX в., хотя бы у части буржуазных ученых наблюдалось стремление к сплесту и к широким историческим обобщениям, пусть даже на неправильной идеалистической основе, то теперь даже этого нет и в помине.

В главе V — «Голоннальная экспансия и рост тирации» (стр. 51—68) делзется следующая неуклюжая попытка объяснить падение аристократии и возвышение торгово-ремесленных кругов: «Человек, который мог купить даже одного (single) раба для своей мастерской (shop), становился капиталистом малого масштаба до тех пор, пока, по мере роста его предприятия, он не начинал конкурировать со старой знатью в богатстве и мог бороться с ней за политическое главенство» (стр. 53). Если бы можно было хоть на минуту заподозрить Робинсона в том, что он читал произведение небезызвестного Дюринга мы были бы готовы обвинить его в плагиате. До такой степени его теории о политическом развитии древней Греции похожа на раскритикованную свыше 70 лет назад Энгельсом концепцию Дюринга о возникновении рабства путем насилия. В самом деле, вместо того чтобы попытаться объяснить развитие рабства и обострение социально-политической борьбы в Элладе VII—VI вв. исходя из анализа конкретной экономической обстановки того времени, Робинсон прибегает к излюбленной буржуазными «учеными» абстрактной фикции о Робинзоне и Пятнице. Согласно его концепции, у некоего «человека» неизвестно откуда появились средства (повидимому, благодаря пресловутой американской «бережливости», при помощи которой мальчики на беговуюшкэ «честным путем» превращались в миллионеров), он покупает раба, становится капиталистом, увеличивает свои доходы, расширяет предприятие и так, в конце концов, добивается власти. Такое пидиллическое причисывание и подсахаривание исторического процесса очень выгодно идеологам буржуазии, но не имеет ничего общего с подлинным ходом развития человечества. Из схемы Робинсона выпадают такие «мелкие подробности», как закабаление общинников, ростовщическая кабала, рабство-должничество, реформы Солона, образование государства, ожесточенная классовая борьба между рабами и рабовладельцами, бедной и богатыми, демосом и аристократией; все эти основные факторы исторического развития не оставляют камня на камне от рассуждений Робинсона.

Напуганный ростом силы коммунизма, содрогаясь перед близким крахом мирового империализма, Робинсон находит социализм даже в Спарте. Он заявляет буквально следующее: «Хотя Спарту, учитывая большое количество людей, которыми она управляла, следует считать олигархией, мы отметим, что социалистический деспотизм управлял жизнями самих граждан» (стр. 70—71). Для того чтобы у читателя не оставалось никаких сомнений, автор на следующей странице вновь подчеркивает, что в Спарте все жили как бы в социалистической общине (socialistic community), которая жертвовала индивидуумом во имя идеального блага государства. Таким образом, основная разница между крито-микенским обществом и спартанским состоит, по мнению Робинсона, повидимому, в том, что первое представляло собой «деспотический социализм», в то время как второе является образцом «социалистического деспотизма». Что и говорить, незавидная участь американских студентов, вынужденных разбираться в таких убогих рассуждениях своих руководителей.

Зная метод исторического анализа наших авторов, мы не будем удивлены тем, что они не находят никаких следов родового строя и в Аттике, что Афинское государство существует, по их мнению, с начала заселения Аттики и что основным фактором развития Афин они считают рост населения. Не будучи в состоянии понять роли классовой борьбы в истории, авторы отмечают как «странный (strange), но характерный факт, что росту блестящей ионийской культуры сопутствовали, в качестве причины и следствия, постоянные войны между государствами... и свирепая (fierce) фракционная борьба внутри индивидуальных государств» (стр. 112). Греко-персидские войны рассматриваются только в аспекте национальной борьбы. Все общеизвестные даже школьникам события, связанные с внутривнутриполитической борьбой в Афинах, старательно замалчиваются или, в случае, когда о них молчать невозможно, тщательно искажаются. Так, например, авторы считают, что вряд ли Фемистокл «мог предвидеть демократические последствия» образования афинского флота (стр. 127). Вообще победа Эллады представляется как случайное достижение отдельных личностей.

Очень важна для оценки общих взглядов американских буржуазных историков античности глава XI — «Греческий мир после Платей» (стр. 154—170). Здесь, следуя за модным в современной буржуазной историографии течением, авторы всячески подчеркивают и преувеличивают связь между «империализмом (понимаемым ими как захватническая политика вообще. — Я. Л.) и демократией» (стр. 151) и считают, что только доходы от державы «давали массам афинян возможность принимать участие в общественных делах (там же). Исходя из этого положения, они неумоимо восстают против демократии и вдалбливают в головы своих читателей, что именно демократия погубила Элладу. О том, насколько нова и оригинальна такая концепция, лучше всего свидетельствуют слова Энгельса: «Не демократия погубила Афины, как это утверждают европейские школьные учителя, влияющие хвостом перед монархами, а рабство, которое сделало труд свободного гражданина презренным»¹.

Как это ни странно, но именно рабства не видят наши авторы в античной Греции. Если раньше, во времена полемики между К. Бюхером и Эд. Мейером, спор между этими буржуазными учеными шел о том, что именно представляло собой античное рабство, то теперь Ботсфорд и Робинсон просто напроосто заявляют: «Древняя Греция не была рабовладельческим обществом (a slave society) в принятом смысле этого слова» (стр. 159). Понятно, отрицать наличие рабов в Афинах не могут даже наиболее «прожженные» американские дельцы «от науки». Зато они всерьез пишут: «Кто-либо владел, быть может, полудюжиной рабов; хозяин и раб вместе работали дома, в мастерской или на ферме. Условия быта и труда были примерно одинаковы для обоих» (там же). Этот блестящий образец ханжеского лицемерия американской буржуазной науки столь же правдив, как то, что миллионер и безработный в США имеют равное право ночевать зимой под мостом и питаться из одной помойки. Ярким примером того, как сознательно умалчивает Робинсон о существовании рабства в древней Греции, может служить карта экономики Средиземноморья в V в. до н. э., помещенная на внутренней обложке книги. Здесь указаны даже такие маловажные объекты торговли, как экспорт сыра из Сицилии, лотоса из Кирены или собак из Спарты. Нет — и это не случайно — только одного: рабов. Как будто бы вовсе не существовало ни рабства, ни работорговли в V в. до н. э. Нет никакого сомнения в том, что это не опечатка. Ясно, что Робинсон сознательно и умышленно скрывает роль рабства в Элладу, чтобы замазать напряжение классовой борьбы в античном обществе.

Давно уже миновали те времена, когда в американской буржуазной литературе принято было издеваться над феодальными пережитками в Европе, как, например, в остроумном твэновском произведении «Янки при дворе короля Артура». Ныне в США культ аристократизма и презрение к народу проложили себе путь и на страницы псевдонаучных книг по древней истории. Авторы не боятся усилий для восхваления аристократических, реакционных государственных деятелей Афин и для оклеветания представителей

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 98.

радикальной демократии, особенно яростно критикуя наиболее демократические черты афинской конституции. Так, например, они пишут: «Беспринципные лица из низших классов, не имеющие должности, могли увлечь за собой массы и заставить магистратов вести неугодную им политику» (стр. 188). Понятно, американские порядки, когда, например, демократы перед выборами обещают отменить законы Тафта — Хартли, а после выборов отказываются это сделать, больше по душе Робинсону. С сожалением пишет он: «Только мечтой был режим аристократии, при котором немного добрых людей мудро и бескорыстно управляли во имя общего блага коллектива» (стр. 268).

Примерно так же рисуется и ход Пелопоннесской войны. Авторы вообще умалчивают там, где это возможно, о социально-политической борьбе в Афинах, оказавшей, как известно, решающее влияние на ход военных действий, считают случайностью Пилосскую операцию. Клеон, по их мнению, «худший демагог» без какой-либо политической линии и т. д. и т. п. Вместо того чтобы хотя бы изложить Фукидида, авторы старательно выхолащивают великого греческого историка, причисляя его под джонинго американского фашиста, критикующего современных, даже буржуазных, ученых за — о, ересь! — тенденцию к социально-экономическому анализу. «В отличие от современных историков Фукидид тогда не исследовал испытующим образом (searchingly) общих социально-экономических условий, ведущих к афинско-пелопоннесскому конфликту» (стр. 264).

В качестве идеала для всех времен и народов преподносится американской интеллигенции Сократ, о котором написано больше, чем о всех прочих греческих ученых вместе взятых. Понятно, афинский демос обвиняется в том, что он осудил на смерть «безвинного» философа. О том, что именно из кружка Сократа вышли наиболее ожесточенные враги демоса: Алкивиад, Критий, Ксенофонт, авторы предпочитают умалчивать.

Вполне понятно также и то, что именно по вине сиракузской «социалистической демократии» (стр. 267) карфагеняне смогли продвинуться в Сицилии и была создана тираническая держава Дионисиев. Крайне наивно сравнение поздней и ранней тирании. Ставя в виде исключения общий вопрос о том, почему тирания в IV в. была менее распространена, чем в VII—VI вв., авторы ссылаются на развитие специализации. Так как в IV в. демагоги были специалистами по общественным делам, а генералы — по военным, то не было предпосылок для установления тирании, т. е. объединения в одних руках и политической и военной власти. Такое лежащее вне пространства и времени объяснение может пролить свет только на прискорбное состояние умственных способностей автора книги, но никак не объясняет ни различия между ранней и поздней тиранией, ни относительно малого ее распространения в IV в.

Зная уже психику и образ мышления американских историков древнего мира, мы вправе полагать, что и в описании событий IV в. они найдут случай проявить свою антикоммунистическую бдительность. В самом деле, «несчастливым аспектом IV в. было развитие классовой сознательности (слова-то какие страшные! — Я. Л.)... В этих условиях было вполне естественно, что они, т. е. контролирующее большинство, выдвинули более или менее социалистическую программу» (стр. 268). Покойный Пельман мог бы порадоваться успехам своих американских учеников, если бы не то, что и он сам ведь был заражен пристрастием к изучению социально-экономических условий. Дальше наши авторы, ничтоже сумняшеся, находят двумя страницами ниже, в том же IV в., и коммунизм и буржуазию.

Но, к счастью для жалких американских лежеученых, которые не только в наши дни, но даже в классической Греции не находят себе спокойного места, на историческом горизонте появляется Македония. Филипп и Александр в потоках крови затопили античный демос, а вместе с ним и независимость Эллады, избавив, таким образом, временно — на очень краткий срок — Робинсона от призрака коммунизма в древности. Правда, отношение автора к Филиппу двойственное: с одной стороны, как не порадоваться тому, что он разгромил демократию; но, с другой стороны, все же Филипп был «по сути дела эгоистом» (стр. 297) и подавлял народные массы во имя своих собственных корыстных интересов. Другое дело Александр Македонский.

Глава об Александре, охватывающая одну десятую часть всей книги, непропорцио-

нально велика. Это объясняется не только тем, что автор специально изучал биографию этого полководца, но и тем, что именно в деятельности Александра Робинсон пытается найти какие-то параллели с политикой США в том виде, в каком она преподносится в маршаллизованных странах. Мы уже говорили выше (стр. 195) о весьма характерном подзаголовке монографии Робинсона: «Встреча Востока с Западом в мировом правительстве и братстве». Вот как характеризуется деятельность Александра в «Греческой истории»: «Новая культура последовавшего века эллинизма, единственная реально известная миру греческая культура, ... ливилизовала Рим, облегчила ему создание мировой империи и покорение этой империи христианством. Как таковая, эта культура является памятником Александру, потому что ему принадлежат мечты о том, чтобы человечество заменило ограниченность и распри Аристотеля идеей мировой солидарности» (стр. 340—341). Так, ловкостью пера мистера Робинсона Александр Македонский превращается в предтечу американских империалистов.

Мания преследования, которая заставляла автора на протяжении всей истории Эллады искать социализм и коммунизм, отрицая притом подлинный классовый антагонизм между рабами и рабовладельцами, явно уменьшается по мере приближения к эллинизму и особенно Риму. Захлебываясь от восторга, Робинсон в идиллических тонах рисует космополитизм эллинистического общества, свободу торговли, благосостояние городов и т. д., мимоходом только признавая «горестную судьбу рабочего» (стр. 404) и упоминая о социальных утопиях Ямбула и революционном движении рабов.

Римскую экспансию, которая окончательно подавила народные движения на Востоке и лишила Элладу даже призрачной независимости, автор характеризует как благо для человечества: «Вообще говоря, мощная Римская империя означала процветание для всего мира. В этой империи народы различных рас, религий и обычаев учились жить счастливо вместе» (стр. 455). Полный надменного презрения к свободе и независимости народов, Робинсон цинично заявляет, что гнет и насилие Римской империи были благом для угнетенных ею народов.

В заключение одно замечание: в своей ненависти ко всему советскому автор явно старается умалить значение предков народов СССР в древности. Во всей книге только один раз упоминаются Ольвия и Херсонес. О Пантикапее говорится лишь дважды. Спартокиды оказываются царями Херсонеса Таврического (стр. 348), а «под протекторатом Спартокидов выросло небольшое Боспорское царство» (стр. 395). О скифах говорится мимоходом, только в связи с походами Дария, Филиппа и Александра. Количество примеров можно было бы без труда увеличить.

Общий диагноз книге Ботсфорда и Робинсона таков, что авторы ее, несомненно больны весьма распространенной в США болезнью — *mania Forrestolica*.

Я. А. Ленцман